

Буржуазные извращения в области планирования ¹

Товарищи, чтобы уложиться в предоставленное мне время, мне с самого начала придется максимально ограничить тему и материал, потому что тема сама по себе довольно обширная и материал огромный. Он затрагивает все вопросы или почти все вопросы нашего социалистического строительства и хозяйственного развития. Я в порядке «самоограничения» попрошу поэтому освободить меня от необходимости входить в объяснения различия между буржуазной и левые позиции и противопоставить себя пролетариату—ведет в конечном счете, попытка мелкой буржуазии, которая стоит между двумя классами, найти своих выразителей в лице определенных идеологов советского аппарата, попытка обосновать свои собственные критические позиции и противопоставить себя пролетариату, ведет в конечном счете, по существу, к оформлению идеологии буржуазии. В этом отношении при подведении окончательных итогов большой разницы между ними обоими нет. С точки зрения рабочего класса идеология мелкой буржуазии, как и идеология крупной буржуазии в одинаковой степени враждебны по отношению к нашим социалистическим задачам.

Этим, конечно, ни в коей мере не умаляется необходимость применения рабочим классом и коммунистической партией различной стратегии и различной политики по отношению к тому и другому классу на различных этапах своей революционной борьбы.

В вопросах же планирования, в частности, роль буржуазной и мелкобуржуазной идеологии не может не быть крайне консервативной. Более того, в моменты обостренной классовой борьбы эта роль превращается в контрреволюционную.

Для планирования народного хозяйства созданы предпосылки Октябрьской революцией. По мере укрепления пролетарской диктатуры и по мере роста наших экономических позиций, объективные условия для планирования увеличиваются.

Плановая работа и плановая идеология развиваются все время на основе нашей партийной программы, отображая на себе соответ-

¹ Дополненная стенограмма доклада на собрании специалистов Госплана СССР 15-го декабря 1929 г.

ствующие этапы в развитии народнохозяйственных задач партии и советской власти.

Плановая идеология — это идеология партийная, идеология коммунистическая.

Мы — материалисты и в политике. А «материализм», — как говорит Ленин, — включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и откровенно становиться на точку зрения определенной общественной группы»¹

И если нам сегодня приходится говорить о буржуазных установках в планировании, то это значит, что мы выделяем темные пятна на светлом фоне, мутную волну в огромном потоке бурного революционного моря.

Буржуазные воззрения нередко прорываются на заседаниях отдельных комиссий, в докладах и прениях в Президиуме Госплана или в коллегиях и других органах того или иного наркомата, в докладных записках отдельных работников и т. д. Имеется огромная вереница, так называемых, «рукописных» и стенографических материалов, таящих в себе не мало буржуазных «жемчужин». В меньшей, но все же в достаточно значительной степени взгляды эти проникают в нашу советскую печать, особенно в экономические издания.

Авторы буржуазных извращений стараются, конечно, замести следы и доказывают, что, во-первых, они того или иного положения не выдвигали, во-вторых, что, если и выдвигали, то они думали не то, что написано, а как раз наоборот и, в-третьих, — говорят некоторые из них — «стенографистка — враг мой», потому-де, стенограммы перевераны и т. д.

Во избежание всякого такого рода недоразумений, во избежание умышленной и неумышленной путаницы в таких вопросах, которая возможна со стороны моих противников, я с самого начала заявляю, что я не привлекаю к докладу ни одной рукописи, ничего из разговоров, имевших место по тому или иному случаю в частном или в официальном порядке. Я буду пользоваться только теми материалами, которые появились в печати и не буду пользоваться неопубликованными материалами, рукописями или стенограммами, хотя они сами по себе представляют огромный интерес.

Буржуазная идеология расцвела особенно пышным цветом в, так называемый, восстановительный период, особенно в первые годы его. Многие думали, что нэп — это непрерывное отступление, что нэп означает политику не только «надолго», но и «навек» и что он готовит возврат к капитализму. «Психоз реставрации», которым самообольщались многие из специалистов, вводил в заблуждение особенно тех, которые своими корнями наиболее крепко связаны со старым миром и в политическом отношении придерживаются враждебных пролетариату установок. Это неправильное понимание нэпа вводило

их в величайшее заблуждение и по ряду второстепенных вопросов. Они развивали идеи, диаметрально противоположные идеям пролетариата и социалистическому строительству.

Объективные корни этого ясны. Люди отражали — невольно или вольно — идеологию остатков городского капитализма, с одной стороны, и влияние крестьянского окружения, с другой стороны. Понятное дело, что крестьянская экономика не есть экономика капиталистическая, что последняя только выделяется, при благоприятных для этого условиях, из некапиталистической крестьянской среды. Но в своем совместном давлении на советский аппарат крестьянская и капиталистическая идеология идут рука об руку. Получается дурно пахнущая помесь народничества, эсэровства, меньшевизма, да еще сменовеховских, кадетских, а иногда просто черносотенных воззрений.

Но почему нам приходится именно теперь особенно заострять эти вопросы? За годы восстановительного периода и первых лет нэпа накопилось так много извращений в плановой работе, что они являются одним из крупнейших тормозов в области планирования. В современной обстановке обостренной и обостряющейся классовой борьбы они всей своей тяжестью падают на ту чашу весов, где лежат гири наших классовых врагов.

Мы вступили в новый период — период реконструкции, который требует особой ясности, особой четкости в вопросах социалистического строительства. В такой период мы должны, так сказать, переосмотреть весь багаж, постараться очистить свое идеологическое богатство от скверной накипи, от влияний буржуазии во всех их проявлениях.

Можно сказать, перефразируя Маркса, что теперь, в период реконструкции, плановые идеи настолько овладевают массами, что становятся материальной силой. Именно поэтому, мы должны с особой четкостью, со строжайшей требовательностью подойти к тем установкам, которые у нас даются и в плановой работе. План в настоящее время имеет такое огромное значение, какого он никогда не имел еще до сих пор. Между тем, классовый враг тысячами незримых путей проникает в наши ряды и находит себе не только сознательных вредителей, но и таких носителей, которые субъективно как будто бы признают себя «на платформе» пролетариата, которые «в душе» субъективно полагают, что они против капиталистов, против старого мира, а по существу они, сами того не зная, творят буржуазную политику.

Ясно, что вопросами плана, вопросами плановой идеологии и политики занимаются не только у нас в Госплане. Мне придется несколько остановиться не только на тех извращениях, которые имеют место в стенах Союзного Госплана, но и на тех взглядах, с которыми они тесно связаны и которые находят место за стенами нашего учреждения.

¹ Ленин. Сочинения, т. I, изд. 2-е, 1928 г., стр. 276.

Те идеи, которые развиваются нашими буржуазными экономистами, выставляются обычно под флагом абстрактной методологии. Они по существу говорят политическим языком, политической прозой и стараются уверить себя, а еще больше других, будто они изясняются на языке «сверхклассовой», объективной, в небесах парящей, методологической поэзии. Обычно они не говорят о политике, а прикрываются положениями общей методологии и стараются выдвигать наиболее «беспартийные» соображения насчет нашей экономической политики. Нередко они поступают еще «скромнее»: не предлагая никаких экономических или политических мероприятий, они в то же время так «объективно» рисуют нашу действительность, что толкают на вывод о необходимости уступок со стороны пролетариата крупной и мелкой буржуазии. Они не дают экономико-политического ответа, но стараются подсказать его.

Разнообразие методов и приемов буржуазной профессуры, степень и формы ее мимикрии зависят, главным образом, от объективных условий, имеющихсЯ налицо в тот или иной период. По мере укрепления советской власти, они становятся более осторожными, выступают по эзоповски, не договаривают до конца и умышленно, а иногда и неумышленно, маскируются.

Но в те периоды, как, например, в 1921—1922 г.г., когда при переходе к новой экономической политике очень остро чувствовалась расшатанность народнохозяйственной системы, некоторые из буржуазных специалистов выступали открыто против советской власти и пролетарской диктатуры.

Мы имеем по этому вопросу в самом начале нэп'а столь ясные формулировки, которые не требуют никаких особых разъяснений. Я их вам просто зачитаю. В журнале «Вестник сельского хозяйства», издававшемся Московским Сельско-Хозяйственным Обществом, которое существовало 100 с лишним лет и которое ликвидировано совсем недавно, в органе, который имел надпись «Ora et Labora» («Молись и трудись»), работал ряд видных специалистов, как, например, Кондратьев, один из представителей буржуазной идеологии (он последнее время даже стал как-будто бы именовать себя марксистом). Там работали также Дояренко, Прянишников и другие. В этом органе мы имели со стороны Кондратьева такое заявление: «Провинция хочет независимого слова и более широкого освещения явлений»¹. Или чего, например, стоит такое откровение:

«Отсутствие спокойного, независимого обсуждения вопросов является для культурно-политически выросшей провинции мучительным препятствием для удовлетворения ее естественного, законного духовного интереса»².

Это Кондратьев писал в «Вестнике сельского хозяйства» в 1921 г. Другой его соратник по поводу доклада Осинского писал тогда следующее:

«Каким же образом нам организовать обмен между Западом и Россией? Для русского хозяйства будет тем лучше, чем теснее и многообразнее будет контакт между ним и Западной Европой. Поэтому все организации, которые могут явиться средостением между русским крестьянством и Западной Европой, должны быть устранены. Я хотел бы здесь поставить точку над «и» и сказать то, что не было сказано в докладе В. Н. Осинского. Я считаю, что важнейшим средостением здесь является Внешторг, что идея объединения всего экспорта в одной правительственной организации является не менее ошибочной, чем та главкократия, от которой отказалась уже Советская власть» (стр. 24—25).

Дальше: «Русская кооперация так же, как и Внешторг, функции внешней торговли выполнить не может. И здесь надо совершенно определенно сказать, нравится ли это нам или нет: без частного торгового капитала, без этого скупщика, который рассыплется по деревням, вы не организуете экспорта. Нигде в истории меновое хозяйство без участия частного торговца не возникало» (стр. 25).

Последние: «Есть буржуазия и буржуазия. Нэпманья есть накипь, выступающая на первый план при настоящих паталогических условиях. При более нормальных условиях творческая роль предпринимателей выступит в более симпатичном свете» (стр. 26).

Это писал Бруцкус, который тогда еще находился в Москве, а теперь он находится за-границей в стане белогвардейцев.

Товарищи, я привожу эти цитаты в связи с тем, что ряд работников, которые группировались вокруг этого Общества, были связаны и с другими учреждениями и в своих статьях тоже развивали, примерно, аналогичные идеи, и в связи с тем, что уже упоминавшийся мною Кондратьев в последующие годы стал претендовать на роль идеолога планирования, выступая в более сдержанной форме и проводя по существу ту же самую политику.

В чем заключается политика этой Кондратьевской группы в ее оголенном выражении? Во-первых, они требуют свободу слова и действия для своих контрреволюционных единомышленников в провинции, во-вторых, требуют уничтожения монополии внешней торговли, в-третьих, требуют того, чтобы советское правительство не поощряло кооперацию и дало бы полную свободу частному хищнику. В общем, они дают программу экономической и политической ликвидации советской власти, программу самой неприкрытой контррево-

¹ «Вестник сельского хозяйства» № 4 за 1921 г., стр. 14.
Там же.

люции. Ясно, куда такие установки, если бы их даже наполовину осуществили, могли бы привести.

Интересно было бы проследить картину постепенного развития этой идеологии в связи с укреплением позиций пролетариата, в связи с укреплением наших командных высот, когда начинаются попытки приспособления к нам и перехода на эзоповский язык. Но эта сторона дела заслуживает специального рассмотрения. Я на ней не останавливаюсь и перехожу прямо к позднейшим годам, к тому периоду, когда многие из нас уже знали Кондратьева, как планового работника, когда он выступал в Госплане, развивал свои идеи в разных учреждениях, развивал их в НКФине, НКЗеме, диктовал в НКФинском Бюллетене и т. д.

Беру прямо 1927 г. Как Кондратьев понимал тогда план? Он считает, что «построение всех основных элементов плана, весь план... как бы пронизан стоящей перед нами на каждом основном этапе работы над планом необходимостью практического разрешения проблемы предвидения». План он противопоставляет предвидению и считает это центральным вопросом.

Как он понимает предвидение? «Выдвигая те, а не иные перспективы, — поучает нас Кондратьев, — мы тем самым даем или точнее принимаем на себя определенную директиву в организации наших мероприятий и действий». Таким образом, нам по Кондратьеву нужно совершенно, так сказать, отвлекаясь от плановых заданий по устройству нашей экономики на социалистический лад, заниматься только предвидением и это предвидение подчинить плану. Он пишет: «Мы должны определить, в каком направлении пойдет развитие, к каким результатам оно может привести само по себе стихийно, вне нашего сознательного воздействия на него». Таким образом, предвидение должно быть установлено вне всякого планового воздействия, а затем этому предвидению следует подчинять все наши экономические мероприятия. Те, кто разделял взгляды Кондратьева и его установки, не всегда повторяли за ним эту теорию с такой ясностью и четкостью, но в практических выводах они ею руководствовались и старались внедрить этот вреднейший хвостизм в нашу плановую работу.

Отсюда и та Кондратьевская теория «реальности» планов¹, которая сводится к тому, что мы должны, мол, ориентироваться только на стихию. Я в этой связи назову человека, который когда-то занимался теорией, но к счастью забросил это дело. У него были в этом отношении потуги, однако, до смешного неудачные, но в практической повседневной работе он эти установки Кондратьева целиком и полностью принимает. Они у него чувствуются на каждом шагу. Это наш

¹ Подробнее об этом ниже, при анализе взглядов Базарова на стихию.

общий знакомый — проф. Огановский. Если взять его работу над планом, если даже не обращаться к стенограммам Госплана, на заседаниях которого Огановский всегда выступал рыцарем «куриных» темпов, но если взять только те статьи, которые он от времени до времени писал в связи с его работой над контрольными цифрами и над пятилетним планом, то получается любопытная картина. Человек, начинает, примерно, с мизерных темпов роста посевной площади, а когда его подхлестывали, поднимал этот рост еще на 1/2%, еще на 1% и т. д. Не лучше у него было с урожайностью. Напомню его статью в «Сельско-хозяйственной газете», в связи с проектом повышения урожайности до 35%. Там он доходил до 13% — цифру, которую он называл в Госплане и выше которой никак не мог подняться. Огановский — один из кондратьевцев, которых наша реальность, т. е. действительность, существующая в Советском Союзе, а не та, которая существует в воображении буржуазных экономистов, и вся атмосфера плановой работы тщетно подтягивает, между тем, как он почти не двигается с точки замерзания. Получается такой разрыв:

13 и 35. Мы воочию видим здесь те прямые нити, которые непосредственно ведут от Кондратьева к Огановскому.

Я говорил о Кондратьеве далеко не все, что о нем следует сказать, но из того, что я сказал, мне кажется, ясно, что у него установка совершенно недвусмысленная.

Я считаю, что один из наших работников, проф. Громан, целиком и полностью копирует Кондратьева, только в несколько иных выражениях, в несколько иной словесности. Если Кондратьев употребляет русские слова «план» и «предвидение», то Громан употребляет, так сказать, слова заграничного происхождения «генетика», «телеология». Он выдвигает такое положение, что нам и в планах нужен примат генетики над телеологией. В такой квалифицированной аудитории, я думаю, излишне объяснять значение этих слов. Я только постараюсь вкратце остановиться на том содержании, которое Громан в это дело вкладывает, которое по существу еще хуже Кондратьевского.

По этому вопросу он выступал в разных вариациях. Я беру одно из его последних выступлений, а именно, его выступление в прошлом году по докладу тов. Ковалевского. Громан говорит так:

«Тов. Ковалевский назвал в докладе несколько человек, моей фамилии он не назвал, но намекнул, что он имеет в виду оратора, который говорит о примате генетической точки зрения. Мне пришлось при обсуждении методологии перспективного планирования в Госплане дать эту формулу; я продолжаю на ней стоять»¹.

Громан выступает против «фантазий». «Вот эту склонность к фантастическим построениям, — говорит он, — нужно тоже совершенно

¹ «Плановое Хозяйство» № 6 за 1928 г., стр. 159.

уничтожить, нужна большая реальность в построении»¹.

Но к чему сводится вся его реальность? Она сводится к историческому учету тех объективных сил, которые выражают процессы развития народного хозяйства, при чем и Громан, и Кондратьев рассматривают объективные условия сами по себе, вне нашего планового воздействия. Все это он называет «генетикой» и противопоставляет ее нашим плановым устремлениям, так сказать, «телеологии», выражаясь этими немарксистскими терминами. При этом, если Кондратьев говорил только о стихии, взятой статически, то Громан, как человек, имеющий претензии на то, чтобы величать себя марксистом и почему-то пытающийся опираться на Маркса, берет экономическую стихию не просто, но с точки зрения ее исторического развития. Он берет ее так, как она нам дана в процессе развития всего народного хозяйства, не только советского, но и досоветского, дореволюционного периода, под властью царей, помещиков и капиталистов.

Получается таким образом, что над всеми нами должна непременно тяготеть та сумма факторов или те основные линии развития, которые даны нашему хозяйству дореволюционной экономикой, что те законы, которые были выявлены в процессе развития Российской империи, должны целиком и полностью существовать и в настоящее время. Их-то он и выдвигает в качестве «примата», в качестве диктующих, властвующих. Они должны подчинить себе всю нашу плановую работу, все целевые («телеологические») установки, связанные с социалистическим строительством. Надо ли доказывать, что примат громановской генетики — это не фактор, ускоряющий наше движение, но Дамоклов меч, который он пытается повесить над головой нашего хозяйственного развития?... К этому примыкает его известная теория о статических и динамических коэффициентах и теория эмпирических закономерностей, по которым он «выявил», что как бы мы ни старались развивать народное хозяйство, какой бы решительный курс на индустриализацию мы не брали — все равно, в конечном счете соотношение ценностей товарных масс между промышленностью и сельским хозяйством останется неизменно в той пропорции, в какой оно было до войны, т. е. 63% и 37%. Он считает, что если продукция промышленности увеличивается, скажем, на 20—30%, то соответственно должна снижаться ценность всей товарной промышленности. Таким образом, по Громану получается, что, если в 1913 г. промышленность занимала в ценности товарной массы всей страны 63%, то в 1925 г. и теперь, в 1929/30 г., когда продукция составляет уже 150% по отношению к довоенному уровню, на ее долю остаются все те же 63% в ценности товарной массы, а 37% постоянно и неизменно на веки вечные принадлежат сельскому хозяйству.

¹ „Плановое хозяйство“ № 6 за 1928 г., стр. 160.

Насколько нам известно, Громан нерелигиозный человек, но в данном случае у него получается какой-то роковой фанатизм, как будто какая-то божественная судьба тяготеет над нами и все предопределяет. Громан выводит вот эту основную, якобы, совершенно объективную, «божественную», закономерность, которая по его мнению является абсолютно непреложной. Я считаю, что она неверна в своей основе, так как она не учитывает ни на иоту те огромнейшие реконструктивные сдвиги, которые произошли в социально-экономическом и техническом отношениях, и необъятные перспективы, стоящие у нас впереди.

Но интересно то, что если имеются люди, которые заявляют в настоящее время, что они раньше ошибались в своих теоретических и политических установках, что те огромные процессы, которые происходят за последние два года в нашей стране, те процессы, которые блестяще показывают, что мы идем быстрым темпом по пути социалистического строительства, многому научают их и заставляют производить «переоценку ценностей», то Громан к этим людям, очевидно, не принадлежит. Это ясно из известной многим товарищам полемики, которая у меня была с ним на страницах «Экономической Жизни»¹, где он еще раз подтвердил, что целиком и полностью стоит на своих старых позициях.

Это в смысле вопросов чисто экономических. Политически он пошел еще дальше и эти свои установки зафиксировал решительно в письме на имя тов. Рыкова, которое тоже было опубликовано в газетах². Так, что здесь, по-моему, позиция столь ясная, что она особых разъяснений не требует.

Благодаря своему письму «председателю и членам СНК и СТО», Громан вскрыл свое политическое лицо полностью. Если политическое содержание его «объективных» оценок и прогнозов было еще кой-кому до сих пор не ясно, то теперь оно сомнений ни у кого уже не оставит. Он сам называет себя «социалистом», который не разделяет «мировоззрения коммунистической партии». Таких «социалистов» обычно называют социал-демократами или эсэрами. Беспартийности в политике не бывает. С исчерпывающей ясностью т. Рыков указал через Горбунова, что Громан открыто солидаризуется со II Интернационалом, что «идеология «социализма» II Интернационала» и Амстердама самым непосредственным образом служит делу капитализма. Эту роль «социалистическая» идеология выполняет как в буржуазных странах, где социалистические партии являются орудием буржуазии против революционного движения рабочих, так и в СССР, где они являются идеологией тех остатков буржуазных классов, которые еще сохранились в нашей стране»².

¹ См. № 261 (3282) от 13 ноября 1929 г.

² Письмо Громана т. А. И. Рыкову.

² См. письмо В. Г. Громана и ответ Н. Горбунова в московских газетах от 10/X—1929 г.

В силу дикой Громановской концепции, которая, вообще говоря, является крайне наивной и механистически безграмотной, дело обстоит таким образом, будто, с одной стороны, имеется объективная тенденция, а, с другой стороны, воля класса; неизбывная коллизия между ними все губит и все пути к претворению в действительность нашей воли к социалистическому строительству закрыты. Нужно сказать, что мы строим социализм не потому только, что мы этого хотим, а потому, что для этого имеются объективные тенденции, которые мы используем. Из года в год эти объективные тенденции работают в пользу социализма, растут и увеличиваются. Эта основная, уже если выразиться по квази-ученому, «генетическая» истина не принимается Громаном и теми, кто его в этом поддерживает. Азбучная истина, что в капиталистическом мире накопились противоречия, которые объективно ведут его к гибели и обуславливают необходимость и возможность построения социалистического общества, давным давно доказана Марксом и твердо усвоена коммунистами. Сие дело для нас доказано, оно является превзойденной ступенью, и если Громан катится в этом вопросе к своим социал-демократическим единомышленникам, то тем хуже для него: катитесь, господин Громан, поскорее.

Совершенно ясно вместе с тем, что в переходный период у нас назрели такие объективные силы, которые дают возможность решительно и твердо строить социалистическое общество, что наша «генетика» диалектически подкрепляет нашу «телеологию».

Один пример — наша пятилетка, пятилетний план, который был принят в оптимальном варианте «сверхмаксимально» и является документом, в основе своей «телеологическим», учитывающим вместе с тем и «генетику». Здесь дана твердая установка на строительство социалистического общества. Сам по себе пятилетний план является могучим стимулом для рабочего класса, поскольку он рисует ясные конкретные перспективы социалистического развития. Но после того, как пятилетний план начал вступать в действие, рабочий класс ставит себе целью выполнить пятилетний план в течение 4 и даже 3 лет, и он находит в себе силы реализовать эту задачу различными способами. Пути общеизвестны: социалистическое соревнование, непрерывное производство, ударные бригады и пр. Здесь — огромная масса скрытых сил и возможностей. Немало можно также получить в результате всеобщего улучшения качества работы и всемерной борьбы с потерями. Как мы идем? — Мы не отрываемся от действительности, мы опираемся на объективные возможности, на действительность и сознательно, с определенной целью усиливаем те стороны, которые ведут к социализму, ослабляя, подавляя и решительно ликвидируя те враждебные нам классовые силы, которые вредят этому делу, в том числе и такую силу, как влияние громановщины и кондратьевщины.

Громановская теория усиливает слабые стороны и ослабляет положительные стороны нашего развития.

Разве кто-нибудь из нас отрицает наличие затруднений и массы теневых сторон в нашей работе? Конечно, никто их не отрицает. Возьмите все решения и резолюции наших партийных организаций, пленумов ЦК, съездов и конференций: в них постоянно и неизменно говорится о ряде затруднений, но они вместе с тем указывают конкретные пути их ликвидации и изжития.

Громан же хочет просто задушить нас своей «генетикой». А кто посмеет выступить против Громана и его «школы», того они а priori ругают фантазерами и людьми, оторванными от действительности.

Я думаю, что последние годы показали, кто отрывается от действительности и кто правильно понимает исторический ход развития. Громан, исходя из генетики, хочет наш план подчинить без остатков крестьянской сохе и всей той отсталости, которая сохранилась еще от царского времени. Утонув по уши в своей злосчастной генетике, Громан пытается, основываясь на своих статических и динамических коэффициентах, повернуть план назад к довоенной экономике.

Для этого он проделывает такую операцию: вместо плана и цели, за которые надо бороться, вместо того, чтобы действительно бороться за план, он хочет сбалансировать все проблемы на принципе механического равновесия.

Конкретизируя принцип «равновесия», Громан крайне неудачно сводит его к довоенным отношениям:

«Мы, — пишет он, — возрождаемся из хозяйственной катастрофы, и достижения довоенных соотношений, в которых выражались условия хозяйственного равновесия, в огромной степени являются регулятивными нормами, в объективном смысле этого слова, и для нашего теперешнего хозяйственного процесса»¹.

Опять напутал наш «философ». Не в довоенных нормах дело, а как раз в том, чтобы их сломать и преодолеть. Его трактовка вопроса была неверна для 1924 г., когда он писал свою статью, и тем более неверна в настоящее время.

«Равновесие, хотя бы и подвижное, хозяйственного организма страны — есть высший постулат, всякое нарушение которого немедленно приводит к кризису и заставляет исправлять допущенные отступления от его требований»².

Враки, господин Громан. Не в механическом, по богдановски понятому, равновесии дело, уже если немного диалектически рассуждать, а в единстве противоположностей и в умелом использовании действительности во имя революционной цели.

Благо революции — высший закон, и, когда этот закон требует, мы обязаны идти на нарушение и разрушение равновесия.

Динамические коэффициенты Громана ставят голый принцип сохранения равновесия во что бы то ни стало. А мы, соблюдая опре-

¹ В. Г. Громан. «О некоторых закономерностях и т. д.» „Плановое Хозяйство“, № 1, за 1925 г., стр. 98.

² Там же, стр. 91.

деленные пропорции, определенное соотношение частей, не топчемся на месте, но производим огромнейшие изменения во всех сторонах человеческой жизни и по-революционному вторгаемся и в силы природы, и в социальные человеческие отношения.

Мы основательнейшим образом вывели из равновесия господствовавшие до революции классы, мы настолько разрушили их равновесие, что довели их до экономического и политического небытия.

А в настоящее время мы выводим из равновесия крестьянскую экономику, всполошили целые районы сплошной коллективизацией. Трактор творит настоящую революцию и не только нарушает, но разрушает старое равновесие.

Мы подчиняем силы природы социализму. Вот несколько примеров.

Лермонтов, вместе с дворянскими барышнями, проливал слезы над неприступной красотой Кавказа; она казалась несокрушимой силой с «равновесием» тысячелетий, а пришли большевики и для такой цели, которая называется ЗАГЭС, заковали кавказскую реку в цемент и заставили ее изменить свое течение.

Гоголь умилялся над равновесием Днепра, а появился Днепрострой и вывел «чудный Днепр» из равновесия.

Волга! Она будет впадать не в Каспийское, но в Черное море, ибо такова воля коллектива, ставящего Волго-Донской канал на службу нашим транспортным связям.

Пролетариату нужно, чтобы туркестанские дехкане ели сибирский хлеб и возвращивали хлопок. Он стремится побороть равновесие, установленное длиннейшей полосой исторического развития или, вернее, вековечного застоя.

Пролетариат строит для этого гигант Турксиб; осуществляются его коллективные социалистические задания.

Вот эти и многие другие наши активные действия вдребезги разрушают громановскую концепцию равновесия.

Свою теорию Громан защищал в клубе плановых работников буквально за несколько месяцев до окончания работы над пятилетним планом, идущим по совершенно иным путям, чем то намечает «генетическая» теория.

Грош цена таким плановым установкам и такой плановой идеологии, которая настолько ослеплена и ослепляет других, настолько не понимает действительности, и при том еще, втирая очки, говорит, что опирается на реальность.

Я не стану говорить о других. У нас имеются, например, такие, как Вишневский и Гухман, которые стараются иногда сесть между двух стульев, поддержать и тот и другой лагерь, а по-существу они подпевают Громану, являясь его выучениками и его рупором. Никто из этой «парочки» не выступал в ожесточенных спорах, имевших место в Госплане, на стороне тех, кто с Громаном спорил. Ученики не выступают против «учителя».

Еще одно замечание относительно Громана. Он говорит как будто бы только о развитии производительных сил. В большинстве случаев он вопросов классовых отношений не касается. Но когда он дает основную установку на сохранение и возврат в наших отношениях к довоенным экономическим пропорциям, то отсюда всякий грамотный марксист должен сделать тот вывод, что за экономикой логически следуют и всякие иные формы общественной жизни. Должны измениться существующие у нас классовые отношения, должен измениться и государственный строй, так как все должно, мол, подчиняться законам довоенного равновесия.

Может быть проф. Громан, в защиту своей теории, попытается пустить и в настоящее время ряд приемов, которые у нас в Госплане получили известность под названием «Рычи Китай». Но на какие бы ухищрения не пустился Громан и его единомышленники, им не удастся замазать тот факт, что его теория как в политическом отношении, так и во всех других отношениях, является в настоящее время самой реакционной, самой отсталой, самой предательски-подлой, самой враждебной для планового хозяйства, для коммунизма, для рабочего класса и для его задач. Если теперь, в период наиболее решительной, наиболее быстрой реконструкции, стоять на той же точке зрения Громана, которая и раньше была в корне неверной, если считать, что законы, данные довоенным развитием нашей страны, незыблемы, что ничего нового у нас не произошло, то право, не знаю, что человек видел в течение 12 лет революции и чему он научился?

Громан остался безнадежно слепым меньшевиком.

К эмпирическим закономерностям Громана примыкают и установки Владимира Александровича Базарова по ряду вопросов, причем в некоторых вопросах он как будто бы стоит чуточку левее, а в других вопросах он стреляет гораздо дальше. Кроме того, он выступает по ряду таких проблем, по которым другие вовсе не высказываются.

Таким образом, Базаров многостороннее и «многоошибочнее», но вместе с тем, немного тоньше других, не говоря уже о том, что он вводит в заблуждение простачков своим «марксистствующим» миропониманием. При рассмотрении вопроса о методологии перспективного планирования он выдвигает для советского хозяйства, как одну из важнейших идей, безкризисное развитие нашего хозяйства. Идея эта — не оригинальная. Она не принадлежит Базарову. Казалось бы, идея в основе своей правильная и против нее не только не нужно спорить, но, наоборот, ее следует целиком и полностью принять. Однако, то конкретное содержание, которое Базаров вкладывает в эту идею, наводит на весьма грустные размышления.

Какое понятие вкладывает Базаров в безкризисное развитие? «Во-первых, — говорит он, — движение народного хозяйства от его

теперешнего состояния к конечной точке, указанной генеральным планом, должно протекать плавно, без перебоев, что, в свою очередь, предполагает и наличие определения хозяйственных резервов. Во-вторых, народное хозяйство не только по завершении разработанной генеральным планом реконструкции, но и в любой точке перехода должно представлять собой стройное органическое целое — максимально устойчивую систему подвижного равновесия»¹.

Базаров развивает это положение дальше:

«Требование «бесперебойности» характеризует лишь в самых общих чертах форму перспективной кривой и притом с отрицательной стороны, оно говорит нам, что искомая кривая должна иметь возможно меньше точек перегиба и вовсе не должна иметь ни острых углов, ни разрывов»².

Это он писал в 1926 г. Изменил ли Базаров свою точку зрения? Нет. В 1928 г., возвращаясь к тому же вопросу, он пишет следующее: «В самом деле, бескризисным народнохозяйственное развитие можно назвать лишь в том случае, если оно не только в конечном пункте за-проектированной пятилетки, но и на всех промежуточных ступенях представляет собой систему динамического равновесия, чуждую сколько-нибудь резких диспропорций»³.

Мне не известно, как-будто я достаточно внимательно слежу за госплановской литературой, выступал ли где-нибудь В. А. по этому вопросу еще позднее, но, во всяком случае, в 1926 и 1928 г.г. мы имели аналогичные заявления. В чем заключается их смысл? Он заключается в том, что мы должны, как говорит В. А., стремиться к бесперебойному плану не только в отдаленной перспективе, но уже на отдельных отрезках выполнения плана — сегодня, завтра, послезавтра, в 1926, 1927, 1928 и 1930 г.г.

Правильная общая идея о бескризисном развитии советского хозяйства, в отличие от капиталистических стран (а этого отличия Базаров как раз и не понимает), превращается в устах нашего методолога в требование немедленного, бесперебойного, плавного спокойного существования.

Любопытно то обстоятельство, что как раз Базаров, Громан, Кондратьев и другие представители буржуазной мысли в области планирования больше всего кричат о наличии у нас диспропорции, разрывов, острых углов, узких мест и т. д. Они только то и видят, что у нас все плохо, все из рук валится.

¹ „Плановое Хозяйство“, 1926 г., № 7, стр. 11.

² „Плановое Хозяйство“, 1926 г., № 7, стр. 12—13.

³ „Плановое хозяйство“, № 2, за 1928 г., статья „Принципы построения перспективного плана“

Я уже указывал выше, что затруднения и острые углы в нашем народном хозяйстве действительно имеются. Мы имеем не кризисы, но затруднения.

Можно ли их изжить непосредственно, немедленно, одним росчерком плановых наметок на сегодняшний день? Конечно, нет.

И почему «универсальный» Базаров, который по-богдановски хочет обнять весь мир единой «организационной тарабарщиной», в данном случае «забывает» про затруднения сегодняшнего дня?

Почему он с таким легким сердцем требует плавного развития немедленно, ничего не дожидаясь?

Потому что в данном случае он идет, может быть, незаметно и для себя, по избитой кондратьевской дорожке.

Как ставит вопрос Кондратьев и как ставит его Базаров?

Мы видели выше, что Кондратьев считает, что у нас должен существовать план сам по себе, а действительность сама по себе, и что стихия последней диктует задания плану.

Более обстоятельно Кондратьев формулирует свою мысль в той же статье «Методы составления перспективных планов народного хозяйства» следующим образом:

«При построении перспектив, — говорит Кондратьев, — возможны два пути, но приемлем из них только один. Первый путь — построение перспектив в зависимости исключительно от наших более или менее отдаленных социально-экономических целей. Этот путь неприемлем для построения планов. Сам по себе он не в состоянии привести к такой системе планов, которая реально осуществима в течение интересующего нас в плане отрезка времени, которые могут быть, следовательно, руководящими указаниями реального плана. Наши отдаленные цели и устремления могут быть принципиально правильными. Однако, как таковые, они не укладываются в рамки того относительно короткого отрезка времени, на который составляется план. Но «человечество ставит себе только осуществимые задачи». И если мы строим реальные планы, то мы должны строить и осуществимые перспективы».

О Кондратьеве нельзя сказать, что он против плана. Принципиально он стоит за план и даже более того, он не отрицает перспектив, рассчитанных на далекое развитие, но он ставит вопрос таким образом, что те отрезки плана, которые мы должны ежегодно, ежемесячно осуществлять, обязаны подчиняться предвидению, игнорировать всякую цель и быть исключительно под влиянием стихии. Это Кондратьев называет реальным планом. Но ясно, что мы можем осуществлять план, рассчитанный на долгие годы, только при условии, если в повседневной работе его осуществлять, за него бороться. Если же говорить, что план сам по себе хорош, но в повседневной работе мы должны ориентироваться на прямо противоположное, итти по воле стихии, то при таком подходе никакого социалистического строительства, конечно, не получится.

Базаров говорит о бесперебойном и плавном плане в повседневной противоречивой действительности, а Кондратьев настаивает на реальных планах. И Базаров, и Кондратьев принципиально не отрицают длительных перспектив, но первый хочет идти ровным шагом, а второй нарядается в тогу «объективного критерия», лишаящего план целеустремленности и социалистического направления. Базаров апеллирует к повседневной плавности и бесперебойности, а Кондратьев к стихийной реальности, но оба разными словами говорят одно и то же.

Для них обоих в высокой степени безразлично, каково будет содержание отдельных планов. Им важно только, чтобы сегодня большевики не зарывались, чтобы немедленно ликвидировались все и всяческие диспропорции и чтобы нерушимой оставалась реальность в их Базаровско-Кондратьевском понимании, т. е. стихийная, бесплановая тенденция развития.

Ведь совершенно ясно (и это я думаю Базарову объяснять не приходится), что мы живем в обществе, которое еще страдает огромными противоречиями. Если мы говорим о построении социализма, то мы, очевидно, имеем в виду, что мы в дальнейшем придем, выражаясь базаровским языком, к этой самой определенной гармонии. Но ведь к ней же нужно притти. Ведь нельзя же требовать от плана, чтобы он уже сегодня был составлен, как план бесперебойный, как план без всяких острых углов. Нам это просто объективно не дано. Тезис о немедленной бесперебойности как раз и предполагает, что если идти робкими зигзагами, если задерживать наше движение вперед, то это бесперебойное развитие можно уже сегодня осуществить.

«Бесперебойность» Базарова и «стихийный реализм» Кондратьева ставят по существу вопрос так, как его поставил впоследствии правый уклон внутри партии.

Во всяком случае, отсюда не вытекает та политика, которую мы сейчас проводим, политика форсирования индустриализации и развития процессов обобществления. При поверхностном взгляде может показаться, что медленное движение действительно дает положительные результаты. Фактически же это только мираж, который ослепляет как буржуазных экономистов, так и нашу правую оппозицию, заимствующую у них очень много. Как раз, наоборот: если идти медленным темпом, то это будет путь наиболее болезненный, чреватый такими явлениями, которые исключают возможность нашего существования, как самостоятельного государства, строящего социалистическое общество. Те, которым нужны такие политические выводы, имеют достаточную опору в, якобы, совершенно абстрактных и формально аполитичных базаровских теоретических установках.

Нельзя представлять себе дело таким образом, будто мы теперь могли бы выпрыгнуть из наших противоречий. Конечно, у нас исключены те кризисы, которые имеют место в капиталистическом обществе. У нас система совершенно иная, но делать тот вывод, будто мы

можем уже на данной стадии социалистического развития идти совершенно без перебоев, было бы неправильно. Наоборот, программа индустриализации вызывает необходимость двигаться определенными скачками: в одном случае забегать, а в другом — отставать, не говоря уже о том, что объективная действительность, которая имеется, не дает возможности планового бесперебойного развития.

Та постановка вопроса, которую дает В. А., теснейшим образом связана с его небезизвестной триединой формулой относительно того, что мы должны учитывать в плане развитие производительных сил, рост потребления трудящихся масс и развитие процессов обобществления. Казалось бы, что плановик должен попытаться в плановой работе эти три элемента (я не вхожу в вопрос, насколько они исчерпывают все, насколько они достаточны, но, если взять эти три разреза) диалектически связать между собой и увязать основные положения. Следует дать действительно ту стройную концепцию, то «гармоническое целое» для конечной цели, которого тов. Базаров так упорно добивается от нашей действительности немедленно.

Какое конкретное содержание он вкладывает в свою формулу?

Разбирая вопрос о процессах обобществления, Базаров пишет: «В течение короткого срока может оказаться целесообразным, по тем или другим внеэкономическим соображениям, вовлечь в сферу обобществленного хозяйства такие отрасли, которые для этого еще не созрели, в которых обобществление на данной ступени их развития не стимулирует, а стесняет рост производительности труда. Но в рамках длительного периода такая политика ни при каких условиях не может быть целесообразной. Ибо превратить на 5, 10, 15 лет общественную организацию из формы хозяйственного развития в его «оковы», хотя бы для отдельных отраслей труда, значило бы дискредитировать самый принцип обобществления, готовить в грядущем частичное поражение и отступление социализации тем вернее, чем настойчивее проводится в настоящем ее нерациональное применение»¹.

Раньше, чем вскрыть политический смысл этой цитаты, необходимо указать на следующее. Наши ученые мужи страшно нервничают, когда им в свете современных экономических событий указывают на несостоятельность и полную безнадежность их политических позиций. Они кричат о том, что их противники, мол, собираются судить историю задним числом, они говорят, что их писания были великолепны в свое время.

Мы же, наоборот, считаем, что, во-первых, их неправильные формулировки были неправильны как раньше, так и теперь и что, во-вторых, даже правильное положение, продолженное дальше определенного предела во времени, становится в своем собственном логическом развитии ошибочным и вредным.

¹ „Плановое Хозяйство“, 1928 г., № 2, стр. 42.

Что же касается данного конкретного случая, т.е. мысли Базарова о том, что обобществление может стеснять развитие экономических сил, то оно было неверно как раз с точки зрения того текущего момента, для которого оно писалось, и оно тем более неверно для современных условий.

Базаров, применяя термины Маркса, направленные последним против капиталистического строя, говорит об оковах, в которые, якобы, превращается наша политика обобществления.

В 1928 г. мы имели в области взаимоотношений между классами такие явления: кулак начал проводить свою знаменитую хлебную забастовку и, в условиях недорода, нанес сильный удар нашему экспорту и ставил под угрозу голода наши города, а мы вынуждены были пойти на применение административных (или «внеэкономических») мер. До применения 37 статьи мы испытали и такого экономического порядка мероприятия, как повышение хлебных цен, не говоря уже о целой системе регулярно действующих экономических мер. В том же 1928 г. процесс ликвидации частной торговли пошел особенно быстро под влиянием наших как экономических, так и внеэкономических мероприятий. И в свете этих событий Базаров говорит о недопустимости «внеэкономических» мероприятий на протяжении коротких годовых отрезков плана, т.е. он выступает именно против той экономической политики, которая проводилась тогда партией, против которой выступили тогда наши правые внутри партии. Как известно, политика партии целиком и полностью оправдала себя.

По Базарову получается так, что, скажем, освоение 30 тыс. га земли под колхозами в 1929—30 г.г., без обеспечения их достаточным количеством тракторов, должно «дискредитировать самый принцип обобществления».

Против такой установки, которая фактически направлена против политики партии в деревне, можно привести длинный ряд довольно веских аргументов, из которых нам хотелось бы указать только на следующие: 1) даже обобществление наличного крестьянского инвентаря на конской базе или на машинно-конской базе (там, где тракторов не хватает) обеспечивает более высокую производительность труда и создает новые формы обобществленной организации, 2) создание колхозов с низким уровнем производительных сил является предпосылкой для их перерастания в более высокие социальные формы, связанные с механизацией труда и повышением его производительности.

Сам Базаров рассматривает производительные силы, обобществление и потребление трудящихся масс в качестве таких элементов, которые постоянно борются между собой. У него получается, что непременно кто-нибудь кого-нибудь должен задавить: если мы идем по пути быстрого развития производительных сил, то это исключает возможность развития процессов обобществления, или развитие процессов обобществления исключает возможность роста потребления трудя-

щихся масс. Он не видит ничего другого. Он не замечает того, что развитие производительных сил должно и может происходить в социалистических формах и что чем больше мы этого достигнем, чем больше у нас получается материальных результатов, тем больше у нас имеется возможностей и для дальнейшего капитального строительства и для дальнейшего расширения потребления.

Я только подчеркиваю коллизию между этими тремя элементами базаровской концепции. Он схоластически противопоставляет их друг другу и вопрошает: «какой же из этих трех критериев должен быть доминирующим, кому принадлежит примат?»

В 1926 г. он отвечал на этот вопрос следующим образом: «И поскольку проблема «темпа» является на ближайшие годы кардинальной проблемой, преддрешающей самый тип дальнейшего развития, постулат максимально быстрого развертывания производительных сил должен быть верховным критерием экономической политики»¹.

Тот же ответ он повторил в 1928 г., заявив, что «развитие производительных сил есть ведущее звено»².

Правые элементы обычно говорят о производительных силах, замазывая классовые вопросы. Но Базаров не «замазывает»: он прямо ставит вопрос и прямо отвечает, что голый принцип производительных сил должен отодвинуть на задний план классовые отношения.

Противоречие между ростом производительных сил и ростом потребления трудящихся масс является, по Базарову, делом, особенно V
отягчающим советское хозяйство в отличие от капиталистического. Здесь он договаривается до таких «откровений», что трудно своим глазам и ушам своим поверить. Мне придется привести в связи с этим довольно обстоятельную цитату: «Здесь, — пишет Базаров, — возникает, следовательно, проблема «темпа», колоссальная важность которой не раз уже отмечалась в нашей печати. Преимущества, которые в этом отношении присущи плановому хозяйству, по сравнению с хозяйством капиталистическим, бесспорны и сводятся к возможности более рационального использования той доли народного дохода, которая затрачивается на реконструкцию. Но относительные размеры этой доли в нашем плановом хозяйстве на теперешней ступени его развития отнюдь не больше, а скорее даже меньше, чем в капиталистическом хозяйстве, находящемся на том же уровне развития производительных сил. Как бы мы ни старались сжимать потребительский спрос широких масс населения в течение тяжелого переходного периода ближайших лет, мы в этом отношении ни в коем случае не сможем достигнуть норм капиталистического общества. До сих пор у нас считалось нормальным, если заработная плата, определяющая размеры потребительских спросов рабочих и служащих, росла пропорционально производительности труда. В период реконструкции, когда процесс

¹ „Плановое Хозяйство“, 1926 г., № 7, стр. 12.

² „Плановое Хозяйство“, 1928 г., № 8, стр. 43.

производительности труда будет вызываться, главным образом, техническими преобразованиями производства, а не уплотнением рабочего дня, допустимо некоторое замедление роста зарплаты по сравнению с производительностью, но и в этом периоде она в наших условиях должна расти несколько быстрее интенсивности труда. Между тем, при капитализме зарплата всегда растет медленнее интенсивности труда (сдельщина с соответственным понижением расценок, тейлоровские «премии» и т. п.). То же самое приходится сказать и о крестьянстве. Потребительский спрос его в советской деревне будет при прочих равных условиях расти быстрее, чем он рос бы при наличии помещичьего или капиталистически-фермерского хозяйства. С другой стороны, наши аппараты планового управления хозяйством требуют относительно больших издержек. Отчасти в этом сказывается просто наша неумелость и неопытность; но в известной степени относительная дороговизна аппарата является неизбежным последствием низкого уровня производительных сил и культуры. Сложнейшая и широко разветвленная плановая работа при капитализме отсутствует, отсутствуют, следовательно, и соответственные издержки управления, а та экономия, какая могла бы быть достигнута на почве концентрации и рационализации функций планового аппарата, ограничена очень скромными рамками на теперешнем низком уровне нашего хозяйственного развития. Поэтому достижение в период реконструкции более быстрых темпов роста, чем те, которые наблюдались в передовых странах капиталистического мира в годы их наиболее интенсивного развития, представляет задачу в достаточной степени трудную»¹.

Как, в самом деле, хорошо в «капиталистическом раю». Там за счет эксплуатации рабочих можно сколько угодно расширять производство. А мы находимся, мол, в таком «несчастном» положении, что отсутствие капиталистической эксплуатации не дает нам возможности «сжимать потребительский спрос». При этом он, образованный марксист, ничего не сообщает читателю о капиталистическом кризисе и о громадных «накладных расходах», «о трагедии расточительства капиталистического строя». Наоборот, источником непроизводительных затрат является для него наша плановая система, в которой он видит только «издержки управления».

Проливая слезы по поводу громадных издержек нашего планового аппарата, Базаров, конечно, никаких цифровых данных в доказательство того, будто плановая система в сравнении с капиталистической системой неизмеримо дорога, не приводит и привести не может. «Относительная (замечу, ничем не доказанная Р. В.) дороговизна аппарата является — по Базарову — неизбежным последствием низкого уровня производительных сил и культуры». А при прочих равных условиях как обстоит дело? Может ли плановая система проявить свои преимущества перед капитализмом при одном и том же

уровне производительных сил? Базаров дает на этот вопрос отрицательный ответ, впадая в частичное противоречие с самим собой. С одной стороны, он считает, что наши «преимущества... бесспорны», а с другой, — что относительные размеры нашего накопления ниже даже, чем в капиталистическом обществе, даже «на одном и том же уровне развития производительных сил». Значит, по видимому, наша социальная структура не только не лучше, но хуже капиталистической.

Для того, чтобы товарищи не думали, будто это место исключительно, я напому, что аналогичные мысли развивает В. А. и в прошлой его статье в «Экономическом Обозрении»¹.

К проблеме благосостояния масс примыкает вопрос о безработице, который в области труда является одним из важнейших (а этим вопросом В. А. больше всего занимался). У него получается так, что безработным можно считать всякого, кто хочет сняться с места и итти искать работу в другом месте.

«В хозяйственном планировании, — пишет Базаров, — «избыточным» должен быть признан всякий, кто настолько не удовлетворен своим положением, что при малейшей возможности готов сняться с насиженного места и предоставить свою рабочую силу к продаже. Разумеется, это объяснение мало облегчает отыскание точных признаков скрытой безработицы; из области социально-экономической проблема переносится в область социально-бытовую, но от этого не становится менее сложной»².

Остается поблагодарить Базарова за откровенность. Он сам считает, что его метод мало помогает изучению вопроса и что он перескакивает из «экономики» в быт. Что касается политического значения этой бытовой теории, то оно, примерно, таково. Выходит так, что если сын деревенского кулака отправляется в город для учебы или для того, чтобы расширить свое капиталистическое накопление, то он должен попасть в нашу статистику безработных.

Еще чудовищнее получается у Базарова с вопросом о благосостоянии населения и о развитии безработицы в связи с переходом от восстановительного периода к периоду реконструктивному. Здесь у Базарова такая философия:

«В самом деле, — пишет Базаров, — мы еще по-настоящему не приступили к процессу реконструкции; натуральное хозяйство и различные промыслы, носящие характер скрытой формы безработицы, не ликвидируются, а наоборот, поощряются у нас крайней дороговизной и недостаточностью промышленных продуктов широкого потребления. И тем не менее, уже в настоящее время мы вынуждены непроизводительно расходовать огромные суммы на поддержание избыточного населения в порядке, так сказать, социальной благотворительности. В нынешнем году будет затрачено около 120 млн. на денежные

¹ „Эконом. обозрение“ за 1928 г., № 6, стр. 58—60.

² „Плановое Хозяйство“, 1928 г., № 2, стр. 57.

пособия безработным, десятки миллионов на трудовую помощь им же; большие, но трудно учитываемые средства пойдут на разные виды помощи крестьянской бедноте. Что же будет в разгар реконструкции, когда масса дешевой промышленной продукции хлынет в деревню, освобождая рабочее время миллионов людей? Так как советский строй, оставаясь самим собой, не может ни предоставить их собственной участи, ни «ликвидировать» их методами раннего капитализма, то не останется никакого иного выхода, как затрачивать на помощь избыточному населению уже не сотни миллионов, а миллиарды рублей. Другими словами, для лечения социальных последствий реконструкции пришлось бы расходовать все большую и большую долю тех ресурсов, которые необходимы для самой реконструкции. Если бы встали на этот путь, то реконструкция должна была бы весьма быстро замереть, создав глубокий кризис, — не кризис хозяйственной «конъюнктуры», а кризис всей системы планового хозяйства»¹.

Ход рассуждения таков, что если у нас была огромная безработица в период восстановительный, то реконструкция, которая ведет к тому, что мы поднимаем производительность труда, что мы сокращаем необходимое рабочее время на единицу продукции — эта реконструкция должна вызвать такую безработицу, такую избыточную рабочую силу, с которой мы ни в коем случае не справимся. По Базарову выходит так, что если нам так тяжело сейчас, в первые годы реконструкции, то особенно тяжело будет в последующие годы.

Во всяком случае, «постановка» у Базарова получается такая, которая ни в каком случае не подкрепляет нашей программы технической и социальной реконструкции народного хозяйства, а заранее обрекает ее на неудачу, поскольку она, по Базарову, оказывается не в состоянии разрешить одну из основных проблем капиталистического строя, существующую пока еще также и у нас, — проблему безработицы и ее изжития.

У Базарова такая характеристика безработицы в период реконструкции увязана с его предположением о неизбежности сокращения темпов промышленной продукции. Но так как действительность идет против базаровщины, то наша промышленная продукция идет в повышающемся темпе и уже в 1929/30 г. у нас начинается сокращение абсолютных размеров безработицы.

Что же касается деревни, то В. А. Базаров не учитывает того, что реконструкция производительных сил и социальных отношений ведет к такому новому положению, когда мы можем поставить вопрос о сокращении рабочего дня, как мы это сделали в городе, и о целого ряда других мероприятий, которые связаны действительно с социалистическим строительством и с построением нового общества. Из тех условий, которые создает реконструкция, ни в какой степени не вытекает, что у нас безработица непременно должна возражать.

¹ „Плановое Хозяйство“, 1928 г., № 2, стр. 45.

В связи с этим любопытен вопрос о соотношении между промышленностью и сельским хозяйством. Как Базаров ставит этот вопрос? Здесь я должен обратиться к его брошюре «Методология перспективного планирования», в которой, я должен отметить, имеется одно правильное зерно. Заключается оно в том, что в 1924 г. В. А. Базаров довольно решительно говорил о необходимости перехода к реконструктивному периоду. Но уже его понимание реконструкции — целый ряд других мест, которых мне еще придется касаться, свидетельствуют о том, что методология реконструктивного планирования в понимании Базарова не подкрепляет, а наоборот, ослабляет нас и выдвигает ряд положений против нашей реконструкции.

Базаров пишет: «В противовес господствующему взгляду, мы рискнули бы защищать такой тезис: нэп является необходимой формой смычки города с деревней лишь постольку, поскольку сам промышленный город не в состоянии превзойти нэп в своей внутренней экономической структуре»¹.

Характеристика нэпа в основном как результат стихийных сил города является совершенно неверной. Азбучной истиной является то, что у нас нэп введен, главным образом, и преимущественно, в связи с тем, что мы имеем многомиллионное мелкотоварное крестьянское хозяйство и что главные стихийные силы нашей экономики отсюда, а не из города, растут. Даже в 1924 г. мы имели основание говорить о высокой степени организации наших социалистических производительных сил в городе. Ясно, что, поскольку мы живем в мелкобуржуазном окружении, имеется, конечно, и ряд стихийных явлений в городе, но это не является основой; это только затемняет вопрос о классовых отношениях. Базаров подменяет главную характеристику нэпа производной, подчиненной и создает совершенно искаженную картину действительного положения вещей.

Но и здесь могут сказать: помилуйте, ведь, прошло пять лет с тех пор, как Базаров эти строки написал. Можно ли человека ругать за прошлое? Сколько, мол, воды утекло с тех пор? Как много изменилось за это время?

Я считаю, что за такое «прошлое» можно и должно давать жесточайший отпор всякий раз, когда с ним сталкиваешься.

Делать это нужно потому, что и для того исторического периода точка зрения Базарова была неправильной и крайне ошибочной. Исключительно чудовищной она выглядит в настоящее время.

В другом месте получается у Базарова, что промышленность подчиняется сельскому хозяйству.

У него получается какая-то сверхаграрная экспансия сельского хозяйства по отношению к промышленности. Как может «марксист» дойти до жизни такой?

¹ „К методологии перспективного планирования“, 1924 г., стр. 3.

Базаров опутывает свои рассуждения весьма туманной философией все из той же злосчастной оперы на счет генетики и телеологии. Надо вообще заметить, что термины эти в применении к планированию дьявольски неуместны. Но поскольку Громан — Базаров впутали нас в эту терминологию и для того, чтобы не усложнять вопроса (а им надо будет специально заняться, чтобы поставить проблему путаной буржуазной головы на марксистско-ленинские ноги), мы в данном случае пользуемся этой терминологией.

Подходя к вопросу крайне схоластически, Базаров кладет на одну полочку промышленность, а на другую — сельское хозяйство. При этом он записывает промышленность по штату «телеологии», а сельское хозяйство — по штату «генетики». Разделив, таким образом, весь экономический мир на две части, Базарову не нужно в дальнейшем никаких диалектических премудростей. Их остается соорганизовать, как добрый папаша Богданов велел.

Надо знать только, с чего начать. И Базаров знает. Вначале бе сельское хозяйство. «Перспектива сельскохозяйственного развития — поучает он — может быть построена лишь генетически; и несмотря на колоссальные трудности, зависящие от недостатка надежного статистического материала, выявление фактических тенденций развития в крестьянском хозяйстве гораздо менее промышленности, деформированной войной и революцией, сможет дать достаточно надежные коэффициенты, и во всяком случае представляет единственный путь к уяснению перспектив этой количественно доминирующей отрасли национального производства. Разумеется и при построении восстановительной программы сельского хозяйства нельзя ограничиться одной экстраполяцией эмпирически установленных коэффициентов роста, но необходимо осложнить работу допущением некоторых заранее заданных сдвигов, поскольку эти последние могут быть достигнуты определенной системой экономической политики. Но «телеологически» (в расчете на успешную экономическую политику) вносимые коррективы могут быть здесь лишь скромной надстройкой на широком базисе генетически установленных тенденций развития.

«Построенная таким образом схема возрожденного сельскохозяйственного производства должна учесть не только общие размеры этого последнего, но и степень его «товарность», а вместе с тем и емкость крестьянского рынка по отношению к продуктам городской промышленности. Следовательно, генетически выведенный перспективный план сельскохозяйственной продукции явится тем фундаментом, к которому должны быть принаровлены телеологически конструируемые перспективные планы отдельных отраслей промышленности»¹.

Как мы видим, ход мысли здесь крайне вульгарен. Вопрос решается простой арифметикой и возможностями довоенной статистики. Арифметика сводится к тому, что сельское хозяйство занимает место

¹ В. Базаров „К методологии перспективного планирования“, 1924 г., стр. 8—9.

«количественно доминирующей отрасли национального производства», а статистика обещает дать «достаточно надежные коэффициенты». Базаров милостиво допускает робкое прикосновение «телеологии» к сельскому хозяйству, но тут же напоминает, что она может быть «лишь скромной надстройкой на широком базисе генетически установленных тенденций развития».

И, наконец, генетически, сиречь стихийно, выведя сельскохозяйственные перспективы, он делает их «фундаментом» для телеологии промышленности.

Я думаю, что достаточно указать, что называется, пальцем на такие мыслишки, и нет надобности специально останавливаться на опровержении их. Действительность уже не оставила от них камня на камне.

Так мыслил Базаров в 1924 г. Через два года он уже допускает влияние промышленности на сельское хозяйство, однако крайне однобоко и в неправильном свете. Вот что он пишет:

«Сельское хозяйство, раздробленное на 20 слишком миллионов мелких самостоятельных единиц и в своей товарной продукции ориентированное в значительной мере на экспорт, является той областью, где генетическое исследование играет преобладающую роль. Прямое плановое воздействие на крестьянское хозяйство мы можем оказывать лишь в той мере, в какой государственная промышленность предъявляет определенный спрос на сельскохозяйственное сырье»¹.

По Базарову получается, что мы в состоянии касаться сельского хозяйства и его планировать или регулировать только в той степени, в какой сельское хозяйство поставляет сырье для промышленности. Он видит промышленность только как потребителя, но не как производителя. Самую важную сторону, а именно то, что промышленность является поставщиком средств производства для сельского хозяйства. Этого слона-то Базаров и не заметил. Наши мощные и многогранные кооперативные рычаги, как сильное орудие в наших руках, в смысле классовой переделки деревни, — вот эта часть у Базарова во всех его писаниях выпадает. Вот этого у него нет. И это, конечно, чревато рядом совершенно неверных и абсолютно неприемлемых выводов как в политическом, так и в экономическом отношениях.

С этим связан и другой вопрос — то, как Базаров понимает социальные отношения в деревне. Когда он в одном месте говорит о социальных отношениях деревни, то он упирается только на «патриархальщину». «По отношению к этим архаическим социальным формациям, унаследованным нашей деревней от средних веков и первобытно-родового быта, кулак имеет могучее и притом ускользающее от государственного контроля орудие эксплуатации в форме ростовщического капитала. Этот древнейший и наиболее паразитический способ капиталистического накопления, несомненно, практи-

¹ „Плановое Хозяйство“, 1926 г., № 7, стр. 10.

куется в современной деревне, обездоливая низшие слои крестьянства и сосредоточивая в руках высших его слоев ресурсы, позволяющие этим последним разворачивать широкую спекуляцию во всех тех случаях, когда просчеты или перебои в нашей экономической политике создают для этого благоприятную почву»¹.

Говоря о кулаке, он подчеркивает только ростовщический капитал, не учитывая того, что у нас имеются и явно выраженные капиталистические формы в виде наемного труда, в виде легальной, полуправильной и нелегальной аренды и субаренды. Такая постановка вопроса относительно эксплуатации, которая происходит в деревне, проходит у В. А. Базарова в ряде мест. Он не видит кулака так же, как и Кондратьев, и Бухарин. Пожалуй, единственным утешением для него в этой неправильной постановке может быть то, что другие понимают еще более неправильно классовые отношения, исходя также исключительно из той же «патриархальщины» и усматривая в крестьянском хозяйстве, примерно, те же стороны, что и Базаров. Например, Дояренко написал в 1921 г. следующее:

«Крестьянское хозяйство, руководимое хозяином с его волей, разумом, с его понятием о нуждах и технике хозяйства, почти недоступно внешнему воздействию, помимо воли хозяина, и во всяком случае такое воздействие не ведет хозяйство по пути устойчивого прогресса.

«Только воздействием на самого хозяина, через его волю, через его разум и внимание можно легко сдвинуть хозяйство на следующую, иногда весьма высокую ступень агрикультурного прогресса.

«Этим крестьянин резко отличается от своего собрата рабочего, который в процессе производства играет пассивную роль орудия, руководимого и управляемого чужой волей и чужим разумом»².

Очень легко дойти до такой точки зрения Дояренко, уважающему себя «марксисту», если он основных производственных отношений в сельском хозяйстве не видит, не улавливает и не понимает.

Я бы хотел подчеркнуть еще один тезис в позиции Базарова, который является, на наш взгляд, абсолютно неправильным. Это по вопросу о наших международных отношениях, по вопросу о планировании нашей экономики в международном капиталистическом окружении.

Базаров пишет: «Идея международного разделения труда, идея рационального районирования общественных производительных сил в мировом масштабе обязательна для генерального плана не в меньшей степени, чем принципы рационального районирования СССР. Исключения (например, при обсуждении вопроса о направлении некоторых железнодорожных линий) могут быть сделаны только в виду совершенно очевидных нужд самообороны Союза. Мы предполагаем и методологически вынуждены предположить, что в течение тех

10—15 лет, на которые рассчитывается генеральный план, структура капиталистического мира и его отношения к СССР останутся, примерно, такими же, как и в настоящее время. Если эта предпосылка не оправдывается, заканчивать генеральный план нам придется при новых условиях, не поддающихся сколько-нибудь отчетливому перспективному учету. Но мы не можем и не должны предполагать, что то вековое развитие, базис для которого мы закладываем генеральной реконструкцией, будет протекать в условиях национальной обособленности и борьбы за мировые хозяйственные ресурсы. В этой более отдаленной перспективе презумпция перехода от народнохозяйственной индивидуализации к мирохозяйственному плану является вполне допустимой и для социалиста обязательной»¹.

Базаров выдвигает ту мысль, что для каждого социалиста обязательна ориентация на международное разделение труда и при этом подчеркивает, что речь идет о том периоде, когда капиталистическое окружение еще сохраняется. Это сказано черным по белому. С этим связана другая установка относительно того, какие отрасли промышленности мы должны и можем у себя в стране развивать. Из того «постулата», что мы должны как «социалисты» (а не как «коммунисты»?) планировать хозяйство СССР и ставить его в зависимость от капиталистического окружения, Базаров умозаключает, что мы не вправе производить все необходимое для нашей страны у себя. «Рационализация в этой последней и самой эффективной ее форме осуществима только при гигантской массовости производства. Вот почему массовость есть тот основной критерий, которым должна определяться очередность наших реконструктивных начинаний. В первую очередь должны быть реконструированы отрасли, производящие предметы широкого потребления и те виды средств производства, потребность в которых уже теперь носит достаточно массовый характер. Во всех прочих отраслях следует предпочесть, пока они не приобрели достаточно широкой базы внутри СССР, закупку необходимых продуктов за границей или предоставление концессий иностранным капиталистам»².

Базаров считает, что мы можем развивать только серийное производство, как имеющее массовое потребление. Но тут относительно самого понятия о «массовости» следует сказать, что при развитии социалистических отношений у нас в стране то, что было еще недавно роскошью, завтра начинает являться массовым потреблением, как, например, радио, телефон, автомобиль и т. д. Ставить нашу страну в такие условия, чтобы по ряду отраслей она находилась в зависимости от международного капитала, выдвигать голый принцип международного разделения труда политически крайне вредно и опасно. Понятно, что совершенно иную постановку этот вопрос получает при коренном изменении международного положения. Когда совершится социальная

¹ „Плановое Хозяйство“, 1928 г., № 2, стр. 43.

² „Вестник сельского хозяйства“, 1921 г., № 1, стр. 3.

¹ „Плановое Хозяйство“, 1926 г., № 7, стр. 15.

² „Плановое Хозяйство“, 1928 г., № 2, стр. 48.

революция в одной или нескольких капиталистических странах, этот вопрос встанет по иному и тогда мы, может быть, будем говорить об изменении своих путей и направления нашего развития.

Базаров же пишет, что речь идет об условиях, при которых капиталистическое окружение сохраняется. Он говорит, что в этих условиях мы массовое производство должны ориентировать либо на импорт, либо на концессию. Такая постановка вопроса, такая попытка поставить наше народное хозяйство в зависимость от международного капитала находится в вопиющем противоречии с генеральной линией партии и открывает путь для нашего экономического закабаления.

В корне гнила базаровская, якобы аполитичная, а по существу резко враждебная социалистическому строительству, методология.

Теперь переходим к заключению.

Я остановился только на Кондратьеве, Громане и Базарове не потому, что они одиноки, но потому, что они выражают определенную концепцию, определенный ряд мыслей, которые засоряют нашу плановую идеологию и которые тормозят нашу плановую работу. Я остановился на них потому, что в них, как в фокусе, концентрируется ряд идей и идей, которые выросли за это время на нашей плановой идеологии. Товарищи, это далеко не исчерпывающий список проблем и вопросов, которые нужно было бы в этой связи поставить, и еще меньше я исчерпал список лиц, о которых можно говорить. Это тема, я бы сказал, для целого ряда докладов. Тот общий вывод, к которому следует прийти, заключается в том, что именно эти три лица являются выразителями наиболее опасных и вредных идей в планировании. Несмотря на то, что в отдельные моменты своей работы они вносили ряд приемлемых и правильных практических предложений, это не мешало им развивать концепцию, которая только подрывает плановую работу.

Все то, что группируется вокруг них — это разновидности, на которых можно не останавливаться в данный момент. Если я говорил несколько больше о Базарове, то не потому, что он хуже Кондратьева и Громана, а потому, что он высказывался по большему количеству вопросов и его материал в этом отношении более разносторонен и более интересен.

Что же касается политического «качества» их идей, то разницы большой между ними нет. Можно сказать, что Кондратьев и Громан больше выражают тенденции крестьянской стихии и ходят в мужицких лаптях. Базаров больше ориентируется на «Европу», на международное разделение труда в капиталистическом окружении, он больше подходит к «культурным европейцам», но вместе с тем нередко хлебает и крестьянские щи, которые подают Громан и Кондратьев.

Совершенно ясно, что ни та, ни другая идеология нас не устраивает, когда мы должны вырабатывать плановые позиции для нашей работы. Все их оппортунистические идеи должны

быть целиком и безоговорочно отвергнуты. От таких «идеологов планирования» и от тех, которые относятся к ним примиренчески и сочувственно, мы требуем полного и безоговорочного идейного разоружения.

В тот период, когда мы приступаем к составлению генплана, к составлению того плана, который должен быть планом социализма, мы с такими совершенно вредными взглядами в плановой работе мириться не можем. С ними нельзя было мириться и раньше, но они вдвойне вредны теперь, когда мы вступаем в новую фазу планирования.

Мы обязаны очистить плановую идеологию и пересмотреть весь багаж, который у нас имеется. Будет при этом немало растрепанных чувств, будет политическая истерия, будут крокодиловы слезы. Но большевизм вылит из стали. Логика классовой борьбы не может изменить себе из-за каких-нибудь побочных, не относящихся к делу, моментов.

Будут попытки прятать свое политическое лицо под флагом все той же хваленной беспартийности, под видом объективного методологического беспристрастия. Такую политическую гниль мы заранее отвергаем. Плановая работа, привлекая огромную массу беспартийных преданных делу работников, вместе с тем не терпит идеологической беспартийности, не терпит беспринципности, как природа не терпит пустоты. Можно быть за рабочий класс или против него, за социалистическое строительство или против него. Не ищите «золотой середины» — она сгорела в огне классовых боев.

С такими установками, которые скрываются за объективными, якобы безвредными, методологическими положениями, а по существу приводят к ряду совершенно бессмысленных буржуазных и мелкобуржуазных выводов, — с такими установками мы должны решительно покончить. Нужно весь арсенал плановой литературы, плановых идей, которые имеются, пересмотреть под этим углом зрения и основательнейшим образом его расчистить. Совершенно ясно и то, что никакая межеумочность, никакая промежуточность в этих вопросах, никакое стремление праздновать и на Антона, и на Ануфрия недопустимы. Есть только два полюса, есть только два лагеря, — можно быть с одним или с другим, но не с обоими сразу. Тех, которые стоят посередине, колесо истории обязательно раздавит.

Я не говорю уже о том, насколько вот эти установки Громана, Базарова и Кондратьева являются питательными соками, передаточными ремнями от крестьянской мелкобуржуазной среды в наш советский аппарат и частично в партию, насколько они питают правооппортунистическую идеологию — это особая тема, о которой тоже стоило бы специально поговорить. Я полагаю, что плановая работа во

всех своих частях должна быть большевистски непримиримой. Армия плановых работников должна стать на твердую, совершенно недвусмысленную позицию большевистской плановой политики, которая диктуется генеральной линией нашей партии, решениями XV Съезда, XVI Партконференции и решениями последующих пленумов ЦК партии. Только на этой позиции мы единым фронтом можем и должны приступить к той большой работе, которая падает на госплановских работников. Можно быть уверенными, что большинство специалистов Госплана станет именно на эту, единственно правильную позицию.

Я знаю, что многих может смутить резкая и прямая постановка вопроса, направленная против идей известных нам лиц, с которыми мы работали ряд лет. Но дело не в лицах. Люди могут ошибаться, могут исправлять свои ошибки, или могут углублять их, как это сделал, например, проф. Громан в письме тов. Рыкову и другим членам СНК. Мы говорили об идеях и о политических установках меньше всего потому, что два-три человека, взгляды которых я попытался разобрать, играют или играли определенную роль в нашем аппарате. Они требуют к себе внимания потому, что выражают взгляды не единиц, но групп, социальных слоев, враждебных по отношению к нашему социалистическому строительству.

Эти враждебные взгляды в сильнейшей степени вредят нашему строительству. Их надо с корнем вытравить, дабы освободить теорию и практику планирования от буржуазной и мелкобуржуазной завали. Не в том суть — откажется ли, скажем, Базаров или Огановский от своих ошибок. Это дело — относительно второстепенное. Задача заключается в том, чтобы критически заострить внимание на кондратьевско-громановско-базаровских ошибках, вскрыть чуждый и враждебный классовый дух этих ошибок, отместить эти заблуждения и очистить от них плановую работу. Надо пронизать всю нашу плановую работу сверху до низу марксистско-ленинским духом, на основе которого только и возможно социалистическое планирование.

Вопрос о лицах — это вопрос, хотя и интересный, но в достаточной степени второстепенный. Мы говорим, о взглядах, о политической концепции, которые, конечно, не витают в воздухе и неотделимы от живых своих носителей, но с которыми нужно бороться, кто бы их ни выражал. С буржуазными и мелкобуржуазными влияниями на планы мы должны вести самую беспощадную борьбу, твердо помня, что они могут сегодня иметь одних выразителей, а завтра — других. Действительно, «не взирая на лица», следует ударить по ошибкам, в ком бы они не воплощались. А кто захочет честно исправить свои ошибки — тому мы должны всячески помочь.

Против выразителей и носителей вредной неприемлемой идеологии, равно как и против межумочных настроений, мы должны все решительно выступить единым фронтом. Госплановские работ-

ники целиком осудят те неверные политические установки, которые даются в выступлениях отдельных плановых работников, и единой семьей встанут на ту большую, в высшей степени тяжелую и глубоко ответственную работу, которая сейчас на нас падает. Мы объединенными силами выполним те задачи, которые, к нашей чести, возложены на нас эпохой великой стройки, и донесем до конечной цели большой, но благодарный груз социалистического планирования.